

DOI: 10.25178/nit.2025.1.14

Статья

Роль буддийского фактора в политических и цивилизационных процессах в Монголии

Александр С. Железняков, Святослав В. Никифоров

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Российская Федерация

В статье представлен ретроспективный анализ роли буддийского фактора в политических и цивилизационных процессах в Монголии с использованием теоретико-методологического аппарата цивилизационной политологии — научного направления, рассматривающего цивилизационные и политические процессы через призму стереоскопической картины миропорядка.

Рассматривается проблематика взаимосвязанности буддийской и монгольской идентичности в историческом контексте обретения суверенитета Внешней Монголией в первой четверти XX в. и череды народных восстаний на территории Внутренней Монголии Китая на рубеже XIX–XX вв. Рассматривается противоречивая политика МНР в отношении буддизма в период секулярного общества. Исследуются особенности буддийского фактора в постсекулярной Монголии после демократической революции 1990 г.

Отдельное внимание уделяется региональному и межрегиональному уровням проявления фактора буддизма в политических и цивилизационных процессах. Они проявляются на уровне подсистемы международных отношений в регионе Северо-Восточной Азии, в рамках треугольника Россия — Китай — Монголия, а также в глобальном масштабе в ходе интернационализации буддизма как мягкой силы двумя великими державами и условным «третьим соседом» современной Монголии.

Рассматриваются вопросы визитов Далай-ламы в Монголию, легитимизации Богдо-гэгэна, а также исторической роли буддизма в строительстве интернациональных социалистических проектов, например, Азиатской буддийской конференции за мир.

Ключевые слова: цивилизационная политология; постсекулярность; монгольская цивилизация; Монголия; буддизм; буддийский фактор; цивилизационное пространство

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ №24-48-03022 «Традиционный буддизм, постсекулярность и современные общественно-политические процессы в России и Монголии».

Для цитирования:

Железняков А. С., Никифоров С. В. Роль буддийского фактора в политических и цивилизационных процессах в Монголии // Новые исследования Тувы. 2025, № 1. С. 188–197. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.14>

Железняков Александр Сергеевич — доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель секретарь Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Адрес: 117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. Эл. адрес: zhelezniakovas@yahoo.com

Никифоров Святослав Вадимович — кандидат педагогических наук, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Адрес: 117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. Эл. адрес: ursus-arktos@yandex.ru

Article

The role of the Buddhist factor in political and civilizational processes in Mongolia

Alexander S. Zheleznyakov, Svyatoslav V. Nikiforov

Institute of Sociology of the National Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article presents a retrospective analysis of the role of Buddhism in political and civilizational processes in Mongolia, based on the theoretical and methodological framework of civilizational political science. The authors examine the relationship between Buddhism and Mongolian identity, as well as the impact of Buddhist values on the country's history and culture.

The study focuses on the period when Outer Mongolia gained sovereignty in the early 20th century, as well as on popular uprisings in Inner Mongolia at the turn of the 19th and 20th centuries. It also considers the controversial policies of the Mongolian People's Republic (MNR) towards Buddhism during the secular period. Finally, the article explores the features of Buddhism in post-secular Mongolia following the democratic revolution of 1990.

Special attention is paid to the regional and interregional manifestations of the Buddhist factor in political and civilizational processes. These manifestations occur at the level of international relations within the Northeast Asian region, particularly within the Russia – China – Mongolia triangle. Additionally, they can be seen on a global scale through the internationalization of Buddhism by two major powers and the “third neighbor” of Mongolia.

Issues such as the visits of the Dalai Lama to Mongolia, the legitimacy of Bogdo-gegan, and the historical role of Buddhism in international socialist projects like the Asian Buddhist Peace Conference are also discussed.

Keywords: *civilizational political science; post-secularism; Mongolian civilization; Mongolia; Buddhism; Buddhist factor; civilizational space*

Financing

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation grant No. 24-48-03022 “Traditional Buddhism, post-secularism and modern socio-political processes in Russia and Mongolia”.

For citation:

Zheleznyakov A. S. and Nikiforov S. V. The role of the Buddhist factor in political and civilizational processes in Mongolia. *New Research of Tuva*, 2025, no. 1, pp. 188-197. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.14>

ZHELEZNYAKOV, Alexander Sergeevich, Doctor of Political Sciences, Chief Researcher, Head Secretary, Center for Political Science and Political Sociology, Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences. Postal address: 24/35, building 5 Krzhizhanovskogo St., 117218, Russia, Moscow. E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-6477-6161

NIKIFOROV, Svyatoslav Vadimovich, Candidate of Pedagogical Sciences, Candidate of Law, Senior Researcher, Scientific Secretary, Center for Political Science and Political Sociology, Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences. Postal address: 24/35, building 5 Krzhizhanovskogo St., 117218, Russia, Moscow. E-mail: ursus-arktos@yandex.ru

Введение

Сегодня буддизм часто рассматривается как проявление цивилизационного фактора международных отношений и внутристрановых политических процессов. Его влияние на ход политических процессов, ровно так же, как и его политизацию, во многом можно рассматривать как проявление соприкосновения политического и цивилизационного пространства в Большой Восточной Азии, Евразии и мире в целом. Вместе с тем, научные исследования, затрагивающие проблематику роли буддийского фактора в этнокультурных и социальных процессах, происходящих в Монголии сегодня, носят частный характер и чаще всего прибегают к узкому инструментарию социологических или культурологических отраслей научного знания. Представленная статья является одной из работ в чреде трудов, направленных на рассмотрение цивилизационных и политических процессов в России и Монголии с точки зрения цивилизационной политологии (Железняков, Чулуунбаатар, 2023).

Цивилизационная политология — новое научное направление, рассматривающее религиозный фактор в качестве одной из составляющих цивилизационного измерения человеческой жизни, обособленного от политического, особого социокультурного пространства (Железняков, Чулуунбаатар, 2023; Литвинова, 2017, Никифоров, 2024). И, несмотря на свою обособленность, цивилизационное пространство влияет на ход политических процессов так же, как и политическое пространство может повлиять на ход процессов цивилизационного характера. Подобное определение цивилизационно-политического объекта научного познания и его особенностей позволяют цивилизационной политологии, основываясь на фундаментальных концепциях цивилизационного подхода, тем не менее, избежать узких рамок геополитических исследований, как правило, смешивающих цивилизационное измерение с политическим, но в то же время оставить возможность для выявления и изучения существующих закономерностей во взаимосвязи цивилизационных и политических процессов с использованием самой широкой, в том числе междисциплинарной методологии, общественных наук.

Одним из объектов исследования цивилизационной политологии может выступать религиозный фактор в политических и цивилизационных процессах. Предмет данной работы в свою очередь будет ограничен буддийским фактором в политических и цивилизационных процессах, происходящих в Монголии, а хронологические рамки — историческим и современными этапами (с XVI в., когда Монголия приняла буддизм, включая социалистический период Монгольской Народной Республики (1924-1990 гг.) и вплоть до настоящего исторического периода — после демократической революции 1990 г., которая во многом на формальном уровне может быть соотнесена с формализацией постсекулярного монгольского общества на политико-правовом уровне). Заданные рамки позволят осуществить комплексный анализ с целью выявления соответствующих закономерностей и характеристики той роли, которую играет буддизм в политическом и цивилизационном пространстве Монголии.

Для достижения поставленной цели представляется необходимым разрешить соответствующие задачи: рассмотреть роль буддизма в цивилизационных и политических процессах в Монголии в XIX — начала XX в.; выявить особенности становления буддизма как инструмента мягкой силы в условиях секулярного общества в Монголии; дать общую характеристику значимости буддийского фактора в рамках треугольника Россия — Монголия — Китай; определить специфику визитов Далай-ламы XIV и легитимизации Богдо-гэгэна X как примеров соприкосновения политического и цивилизационного пространства; изучить как себя проявляет буддийский фактор в современной Монголии, монгольской политике и цивилизационном процессе; проанализировать фактор народного восприятия китайцев монголами как признак этнокультурной составляющей междисциплинарного взаимодействия, учитывая влияние фактора буддизма.

Источниками данного исследования стали работы ведущих экспертов в области социальных и политических наук, в том числе обобщающие эмпирические исследования (Романова и др., 2015; Billé, 2015), а также политико-правовые документы современного монгольского государства, официальные заявления его представителей и сообщения СМИ с 1990-х по 2020-е гг.

Роль буддизма в цивилизационных и политических процессах в Монголии в XIX — начале XX в.

Обращаясь к истории, можно констатировать, что северный (тибетский) буддизм, принятый монголами в XVI в., де факто позволил им укрепить свою цивилизационную идентичность в период

зависимости от Китая. Он стал ещё одним фактором сплочения в Восточной части Монгольской империи, объединяя монголов не только на уровне этнокультурной близости, но и новой религиозной идентичности. Также он заложил основу для появления особой политической формы правления в Монголии — теократической монархии Богдо-гэгэна¹ и зарождения монгольского национально-освободительного движения (XIX–XX вв.). Кстати, в этой связи, интересно отметить историческую параллель между визитами Далай-ламы в Монголию на рубеже XIX–XX вв. и в начале XXI в., как своеобразную историческую нить влияния буддизма на развитие монгольско-китайских отношений и ход цивилизационных процессов в Монголии (Кузьмин, 2014b). Возвращаясь к историческому аспекту, стоит отметить, что значительную роль в развитии национального и революционного движения во Внутренней Монголии сыграли буддийские перерожденцы (Цыбенев, Юй Шан, 2018: 110), а отдельные ламы, вероятно, даже приняли участие в восстании ихэтуаней в Цинской империи в 1900–1901 гг. (там же).

Примерно с начала XX в. также можно проследить противостояние между лидерами буддистов Внешней и Внутренней Монголии (Монголии и автономного района Китая — соответственно), во многом вызванное желанием китайских властей установить контроль над буддийской сангхой Монголии. Так, для противостояния власти Богдо-гэгэна во Внешней Монголии Юань Шикай² решил заручиться поддержкой Чжанчжа-хутухты VI³, присвоив ему почётный титул и фактически взяв на содержание Китайской республики (там же: 112). Однако на примере восстания князя Удай 1912–1914 гг.⁴, можно заметить, что религиозная идентичность и сам буддийский фактор, даже ещё до наступления секулярного периода в истории Монголии, не являлся единственным и, возможно, наиболее значимым на цивилизационном уровне. Удай решил выбрать Богдо-гэгэна, стремящегося к укреплению цивилизационной идентичности Монголии, и не желающего быть интегрированным в китайскую политическую и во многом культурную систему. Достаточно примечательно при этом, что после неудавшегося восстания Удай бежал к хранящим ещё шаманистские традиции хайларским даурам, которые на короткий исторический промежуток смогли добиться большего в деле национально-освободительного движения, чем князь из Внутренней Монголии (там же: 113).

Таким образом, ещё в рамках религиозного общества и фактически развития теократического монгольского государства, буддизм являлся одним из значимых цивилизационных факторов, влияющих на ход политических процессов в Монголии и её отношения с другими странами и народами, но не единственным и не «подменяющим» для монголов этнокультурную и, следовательно, и цивилизационную идентичности.

Становление буддизма как инструмента мягкой силы

С победой социалистической революции в России 1917 г. и народной революции в Монголии 1921 г. буддизм оказался в центре политической борьбы, став средством продвижения мирового революционного движения. Однако по мере укрепления режима Чан Кайши⁵ в Китае и неудач советской дипломатии в Тибете, его роль стала переоцениваться. Политический курс на секуляризацию, принятый в СССР и МНР (1920–1930-е гг.), был прямо направлен и против монгольского духовенства, и с течением времени оно всё сильнее оказывалось заинтересовано в сотрудничестве с внешними силами, обещавшими сохранить религиозные институты (Кузьмин, 2014а; Эрдынеева, Васильева, 2017). Во многом судьба монгольских лам оказалась сродни судьбе Коминтерна. Он также играл значимую роль в советской внешней политике в рамках курса на победу мировой революции, однако, был де факто ликвидирован со сменой политического курса СССР (от концепции перманентной

¹ Наименование лидера монгольских буддистов (титул высшего ламы). В период теократической монархии 1911–1921 гг. Богдо-гэгэн VIII являлся правителем Монголии.

² Известный китайский военачальник и государственный деятель конца XIX — начала XX в., первый президент Китайской Республики (1912–1949).

³ Также «Джанджа-хутухта»; наименование лидера буддистов Внутренней Монголии (титул главного ламы этого региона).

⁴ Антикитайское восстание, возглавляемое монгольским князем. Один из эпизодов истории национально-освободительного движения Монголии.

⁵ Известный китайский военачальник и государственный деятель XX в., лидер партии Гоминьдан и де факто глава материкового Китая во второй четверти XX в.

революции к концепции строительства социализма в отдельно взятой стране), обострением внутри- и внешнеполитической борьбы в молодых социалистических государствах. Однако буддизм как цивилизационный фактор, влияющий в том числе и на ход политических процессов, устоял несмотря даже на развернутые в конце 1930-х гг. против лам массовые репрессии.

Уже после окончания Второй мировой войны религия стала «выходить из подполья» в социалистических странах и постепенно превращаться в инструмент их мягкой силы. Особенно ярко это проявилось как раз на примере буддизма. В 1970 г. по инициативе Хамбо-ламы Монголии С. Гомбожава в Улан-Баторе была создана международная Азиатская буддийская конференция за мир, неправительственная организация, выступавшая за мирное разрешение международных споров и международное сотрудничество (Ленхобоева, Доржигушаева, 2024). Фактически она стала монгольско-советской альтернативой буддийским институтам мягкой силы, развиваемым США и КНР. Тем самым, даже в условиях секулярного общества, буддизм (буддийские религиозные институты) оставался в политическом пространстве Монголии, правда, преимущественно являясь объектом, а не субъектом политики.

В рамках треугольника Россия — Монголия — Китай

Наиболее ярко буддизм как одну из составляющих цивилизационных и политических процессов можно определить на примере той роли, которую он играет в рамках треугольника Россия — Монголия — Китай. Т. Б. Бадмацыренов и И. Г. Аюшиева отмечают:

«Современные процессы, происходящие в России, Китае и Монголии, демонстрируют высокий потенциал политизации буддизма, несмотря на его сложившийся образ аполитичной религии... В политическом поле важным пунктом является проблема Тибета и деятельность Далай-ламы XIV. Деятельности тибетских лам и связанных с ними групп в России часто приписывается политический характер...»

Для Монголии тибетский вопрос прямо отражается на монголо-китайских отношениях, хотя, конечно, не является определяющим их фактором...» (Бадмацыренов, Аюшиева, 2017: 78).

Таким образом, обнаружение Богдо-гэгэна может дать Монголии шанс закрепить за собой роль центра тибетского буддизма, поскольку она является уникальным примером суверенного государства, где значительная часть населения принадлежит к данной конфессии.

Примечательно, что политическая фигура Далай-ламы является инструментом влияния на ход международных процессов не только в отношениях между КНР и Индией или США, но также и Монголией. Достаточно вспомнить, что визиты Далай-ламы XIV на территорию Монголии всегда вызывали острую реакцию со стороны Пекина и в итоге привели к официальному отказу от приема высшего духовного иерарха в современной Монголии.

Визиты Далай-ламы XIV и легитимизация Богдо-гэгэна X

В. А. Родионов указывает также, что история визитов Далай-ламы в Монголию тесно связана с Азиатской буддийской конференцией за мир:

«Под патронажем монгольского руководства на территории МНР неоднократно проходили заседания международной организации «Азиатская буддийская конференция за мир», штаб-квартира которой расположена в Улан-Баторе в монастыре Гандантекчинлинг. Участником этих мероприятий являлся и Далай-лама XIV. В условиях конфронтационных отношений с КНР для МНР, равно как и для Советского Союза, фигура мятежного по отношению к Пекину первосвященника рассматривалась в качестве средства давления на проблемного южного соседа. С началом демократических реформ в Монголии в 1990-х гг. фактор буддийской религии значительно увеличил свое значение, а визиты далай-ламы получили регулярный характер. Всего за период с 1979 по 2016 гг. Далай-лама XIV 9 раз посетил Монголию, из которых 7 визитов пришлось на постсоциалистический период» (Родионов, 2017: 154).

Кроме того, исследователь подчёркивает, что визиты Далай-ламы сами по себе стали отражением целого ряда специфических политических процессов и интересов отдельных их участников. На данном этапе развития системы международных отношений, с одной стороны, они позволяли поддерживать политической элите Монголии образ страны, верной западным идеалам демократических ценностей. Это было важно, ввиду того факта, что монгольские политики воспринимают данный образ «витрины азиатской демократии» как экономический и политический ресурс, полезный при развитии

отношений со странами «Третьего соседа»¹. С другой стороны, противники КНР (в частности, тот же «Третий сосед») использовали визиты Далай-ламы как инструмент мягкой силы для давления на Китай.

Сама КНР в ответ воспринимала данные визиты как политические акции, идущие вразрез с официальной позицией Монголии по вопросу правового статуса Тибета, который монгольское государство официально считает частью современного Китая. Однако «различные буддийские общины и организации, имеющие определенное влияние в Монголии, активно выступают за политическое самоопределение Тибета и тем самым формируют соответствующее общественное мнение в монгольском обществе... В этом свете визиты Далай-ламы XIV в Монголию придают дополнительный импульс подобным идеям» (Родионов, 2017: 155).

Поскольку в 2016 г. министр иностранных дел Монголии (на тот момент им являлся Ц. Мунх-Оргил) официально заявил об отказе от принятия новых возможных визитов Далай-ламы², возникает вопрос о том, является ли это проявлением также отказа от политизации буддизма в межгосударственных и межцивилизационных отношениях Монголии или, напротив, выбором чёткого политического курса в отношении конфессионального фактора во внешней и внутренней политике (выбора ориентации на сохранение и развитие связей с буддистами КНР (а значит и самим Южным соседом как таковым), отказа от ориентации на поддержку нынешнего Далай-ламы). Скорее всего, надо рассматривать данный вопрос с учётом цивилизационной специфики Монголии, а именно её стремления обеспечить свою цивилизационную безопасность, которое было закреплено в Концепции национальной безопасности современного монгольского государства³. Монголия стремится обеспечить свою независимость, свой суверенитет и сохранение цивилизационной идентичности. Буддизм является одним из элементов данной идентичности и, соответственно, логично предположить, что Монголия стремится избежать чрезмерного внешнего влияния в духовной сфере международных отношений.

И именно достижению этой цели, вероятно, во многом способствовал последний визит Далай-ламы XIV в Монголию в 2016 г.⁴ В ходе данного визита Далай-лама объявил о том, что новый Богдо-гэгэн родился на территории Монголии, тем самым во многом обеспечив независимость Монголии в «буддийском вопросе» от тех государств, на территории которых могло быть также найдено новое воплощение Богдо-гэгэна, духовного лидера монгольских буддистов (например, Китая). Примечательно, что долгое время о юном Богдо-гэгэне Х почти ничего не было известно и новости начали появляться в Монголии относительно недавно, когда мальчик достаточно повзрослел. И также они оказались связаны с Далай-ламой: на своей первой официальной фотографии новый лидер монгольских буддистов присутствует на церемонии для посвящения Чакрасамвары, проводимой Далай-ламой XIV, и представлен им как «перерождение Халха Джебцун Дампа-хутухты»⁵. Тем самым произошла легитимизация Богдо-гэгэна Х в глазах буддистов всего мира. Однако неоспорим, вероятно, и факт того, что юный духовный лидер Монголии пока что находится в орбите влияния Далай-ламы XIV, в том числе политического. Тем самым, посредством вовлеченности лидеров буддийского духовенства в политические процессы буддизм вновь проявляет себя как пример соприкосновения политического и цивилизационного пространства в Монголии, КНР, Азии и мире в целом.

¹ «Третий сосед» — собирательное наименование партнёров Монголии, не являющихся Россией и КНР (двумя историческими и географическими монгольскими соседями, Северным и Южным соответственно). Как правило, под этим термином прежде всего понимаются США и союзные им страны, хотя на официальном сайте МИД Монголии в официальный список данных государств, в том числе входят и некоторые представители Глобального Юга (см. подробнее: Базаров, 2017).

² МИД Монголии: Правительство больше не будет приглашать далай-ламу [Электронный ресурс] // ИА Регнум. 2016, 22 декабря. URL: <https://regnum.ru/news/2220633?ysclid=lz13ktg843291644843> (дата обращения: 23.07.2024).

³ Монгол улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал [Концепция национальной безопасности Монголии] [Электронный ресурс] // Хууль зүйн үндэсний хүрээлэн. 1994. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=208070> (дата обращения: 23.07.2024).

⁴ Его Святейшество Далай-лама прибыл с долгожданным визитом в Монголию [Электронный ресурс] // Его Святейшество Далай-лама XIV. 2016, 19 ноября. URL: <https://ru.dalailama.com/news/2016/dalai-lama-visits-mongolia> (дата обращения: 23.07.2024).

⁵ Далай-лама провел подготовительные церемонии для посвящения Чакрасамвары [Электронный ресурс] // Его Святейшество Далай-лама XIV. 2023, 8 марта. URL: <https://ru.dalailama.com/news/2023/preliminary-procedures-for-the-chakrasamvara-empowerment> (дата обращения: 23.07.2024).

Буддизм в современной постсекулярной Монголии

Можно выделить ряд особенностей, которые перечисляют эксперты, характеризуя основные тенденции развития религий в исследуемой стране в начале XXI в. В частности, исследователями отмечается как «возрождение традиционной религиозной и этнической культуры», так и «масштабная урбанизация, пропаганда культуры потребления, с проявлениями вестернизации в монгольском обществе, которые привели к актуализации востребованности традиционных ценностей номузма, среди которых буддизм занимает значимое место» (Романова и др., 2015: 96–97).

При этом исследователи считают, что именно государственная политика во многом обеспечивает «возрождение национального самосознания монгольского общества», и относят его к проявлению неотрадиционализма. Говоря о роли буддизма, они отмечают, что «буддизм встроено в конструирование идеологием общегражданской религии, основанной на дополнении таких понятий, как “Родина”, “Чингисхан”, “Будда”, “Тэнгри”, “Гэсэр” и др., что ведет к формированию гражданской, государственной идентичности, которая бы превалировала над конфессиональными и этническими различиями» (там же: 100).

Однако, если рассматривать данные процессы с точки зрения цивилизационной политологии, то целенаправленность действий государства и политического руководства будет не такой односторонней. Поскольку проявление буддизма как политического фактора можно также определить как проявление одной из скреп монгольского народа, возникшей в ходе цивилизационного процесса. А именно, опираясь на термины синергетики, как поиск аттрактора этнокультурной системой Монголии или даже самой монгольской цивилизацией. Иначе говоря, той формы, которая позволит обеспечить выживание и развитие цивилизации как сложной единой системы или организма. Буддизм как фактор религиозный, наряду с особенностями политико-правового статуса (Батунаев, 2011), позволил сохранить цивилизационную идентичность монголов в период зависимости от Китая на территории Внутренней Монголии. В том числе, успешно вступив в синкретические отношения с тенгрианством (основанием чему некоторые учёные видят близость конфессий индоевропейских и кочевых народов Центральной Евразии и Внутренней Азии (Аверьянов, Абаев, 2015)). Поэтому, вероятно, сейчас он также воспринимается, как монгольскими лидерами, так и обществом в целом, как ключевое средство обеспечения национальной безопасности и суверенитета.

И. В. Романова, О. И. Зимин, А. В. Жуков, А. А. Жукова также предположили, что под влиянием глобализации социокультурное пространство Монголии всё больше начнёт вовлекаться в мировые политические, экономические и культурные процессы, «вызывая ответную реакцию в виде активизации движений за национальный суверенитет» (Романова и др., 2015: 100). Мы же можем сопоставить данные процессы с проявлением влияния акторов «Третьего соседа», действующих на территории Монголии, в том числе в виде тысяч неправительственных организаций. Они стремятся посредством мягкой силы включить Монголию в унификации мировой культуры по образцу западных стран, что грозит стране потерей цивилизационной идентичности. Это не может не вызывать ответную реакцию внутри монгольского общества, и, в то же время, располагает монгольских политиков к развитию демократического имиджа и политической культуры в Монголии. Что отчасти также уже было заметно на примере рассмотренных выше визитов Далай-ламы в Монголию.

Народное восприятие китайцев монголами

Несмотря на то, что Внешняя Монголия во многом существовала в составе Империи Цин (с XVII по начало XX в.) на правах достаточно автономного вассала и не испытала на себе столь мощную политику культурной ассимиляции (китаизации), как Внутренняя Монголия, среди граждан современной независимой Монголии ходит много негативных предубеждений и суеверий в отношении китайцев. Некоторые исследователи прослеживают корни этого отрицательного восприятия с начала XX в., со времён пророчеств Богдо-гэгэна VIII о борьбе с «китайской болезнью» (Billé, 2015: 30)¹. Также в постсоциалистический период сохранились народные слухи о призраках китайских купцов², и

¹ «Еще в начале XX века Восьмой Богдо-гэгэн в своих пророчествах призывал монголов не носить китайскую обувь и не есть куриные яйца, чтобы не заразиться «китайской болезнью» (Сабилов, 2022: 119).

² «В Улан-Баторе одно время ходили слухи о людях, которые видели привидения — стариков с длинными бородами и в шелковых одеждах. Столичные жители интерпретировали их как души китайских купцов, которые привязаны к местам, где они проживали когда-то и где закопали свои богатства» (Сабилов, 2022: 119).

появились новые, обвиняющие китайцев в краже органов, распространении ВИЧ, и даже в засухе. Причём в последнем случае обвинения исходили от буддистов, проживающих на Юго-Востоке Гоби, которые уличили китайских рабочих в проведении особого ритуала, влияющего на погоду (Сабиров, 2022: 119–120).

Подобные народные страхи и опасения во многом могут являться проявлением не столько особенностей межцивилизационного взаимодействия друг с другом на этнокультурном уровне, сколько специфики политических и экономических отношений двух народов. Хотя, конечно, в конце XX и первой трети XXI в. они всё также находят плодородную почву из опасений перед китайской экономической экспансией в современной Монголии и после нескольких столетий де факто вассальной зависимости, пусть и с довольно вольготными условиями существования. Однако роль монгольских буддистов в межцивилизационном взаимодействии Монголии и Китая всё же достаточно велика для того, чтобы усложнить существующую на уровне этнокультурного взаимодействия картину.

С одной стороны, Китай использует буддизм как инструмент мягкой силы для создания благоприятного имиджа КНР в Монголии. Например, китайские буддийские монастыри, дипломатические служащие и иные выдающие государственные, политические и общественные деятели и организации преподносят своим монгольским визави и самому монгольскому государству дорогие подарки в виде красивых статуй и значимых реликвий, а КНР привлекает монгольских лам к диалогу с китайскими деятелями и организациями по общественно-важным вопросам, например, борьбе с пандемией коронавируса (Сабиров, 2022: 120).

С другой стороны, ряд монгольских лам опасается выстраивания излишне тёплых отношений либо с коллегами из Китая, либо, напротив, напрямую с Далай-ламой (вторые находят поддержку со стороны КНР, а первые — со стороны «Третьего соседа», причём как США, чей Конгресс законодательно установил недопустимость вмешательства КНР в выборы следующего Далай-ламы¹, и союзных им стран, так и Индии, ставшей резиденцией Далай-ламы XIV на время его «изгнания»). Фактически, внутри Монголии произошёл раскол буддийских монастырей по признаку ориентации на сотрудничество с Далай-ламой и буддистами КНР. Так, как отмечает Р. Т. Сабиров, установлены

«...хорошие связи с китайскими буддистами и чиновниками у монастыря Амарбаясгалант. Ламы монастыря встречаются с представителями Буддийской ассоциации Китая, включая одного из ее вице-президентов Панчен-ламу. Монгольские делегаты, посетившие Пятый Международный буддийский форум в Путяне, КНР, пригласили Панчен-ламу посетить Монголию» (там же: 121).

При этом, характеризуя особенности мягкой силы КНР и «Третьего соседа» в сфере буддизма, Р. Т. Сабиров упоминает, что «важное отличие китайского влияния от тибетского заключается в том, что китайцы не вмешиваются в дела монгольской сангхи в плане ее регулирования, навязывания своего видения того, что правильно, а что нет, в то время как у тибетских лам есть свое представление о «правильном буддизме», которое они продвигают» (там же: 123).

Особую сложность вопросу придаёт тот факт, что для КНР важнее добиться определения следующего воплощения Далай-ламы на выгодных Китаю основаниях, включая вопрос о его будущей легитимизации крупными буддийскими сангхами разных стран, в том числе Монголии. Тогда как нынешний Далай-лама уже сыграл значительную роль в легитимизации самого монгольского духовенства. Также важно выделить фактор исторического наследия регулирования института *тулку*, буддийских перерожденцев. Фактически, он сохранился в том виде, в каком существовал во времена Империи Цин, за исключением того, что в современном Китае «право утверждения перерожденцев теперь отведено Госсовету КНР, а не крупным тулку, как было раньше» (там же: 125). В то же время монгольских перерожденцев, хубилганов, легитимизирует Далай-лама.

Если два века назад Богдо-гэгэн, Панчен-лама, Далай-лама, монгольские, тибетские и китайские тулку существовали в рамках единой и государственной и религиозной системы, то теперь институты оказались фрагментированы, что представляет как новые трудности в развитии конфессионального буддийского диалога в рамках межцивилизационных отношений, так и определённые возможности. В целом, можно констатировать, что на фоне внешнего влияния вопрос развития международного

¹ Закон о политике США в отношении Тибета и его поддержке 2019 г.: H.R.4331 — Tibetan Policy and Support Act of 2019 [Электронный ресурс] // Congress.Gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/4331> (дата обращения: 23.07.2024).

буддийского сотрудничества Монголии вызывает глубокие внутренние противоречия среди буддийского духовенства Монголии, схожие отчасти с теми, которые есть в монгольском обществе по отношению проведения многосторонней и нейтральной политики балансирования на международной арене между Россией, Китаем и «Третьим соседом».

Заключение

Таким образом, исследование показало, что буддизм являлся и остаётся одним из значимых цивилизационных факторов, оказывающих влияние на ход политических процессов в Монголии и мире, с одной стороны, а с другой стороны — инструментом осуществления конкретной политики отдельных государств и политических сил, рычагом попытки влияния политического пространства на цивилизационное.

В связи с вышеизложенным предполагается рассмотреть возможность разработки и систематизации положений российско-монгольских договоров, затрагивающих цивилизационный аспект двухсторонних отношений, для рассмотрения религиозного фактора в качестве одного из направлений развития междивизиационного диалога и обеспечения цивилизационной безопасности двух государств-цивилизаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверьянов, Б. В., Абаев, Н. В. (2015) Принцип единства и целостности тэнгрианско-буддийской цивилизации // Вестник Бурятского государственного университета. № 3. С. 5–15.
- Базаров, В. Б. (2017) «Третий сосед» Монголии в восточноазиатском пространстве // Власть. Т. 25. № 5. С. 136–140.
- Бадмацыренов, Т. Б., Аюшиева, И. Г. (2017) Буддизм и политика во Внутренней Азии: история и современность // Вестник Томского государственного университета. № 421. С. 75–79. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/421/11>
- Батунаев, Э. В. (2011) К вопросу правового статуса Монголии в составе Цинской империи // Вестник Бурятского госуниверситета. № 8. С. 139–142.
- Железняков, А. С., Чулуунбаатар, Г. (2023) Евроазиатн туншлэлийн нөхцөл байдал дахь Монгол, Оросын соёл иргэншил хоорондын харилцан үйлчлэл [Междивизиационное взаимодействие России и Монголии в пространстве Евразии]. Улаанбаатар : Институт философии МАН. 328 с. (На монг. яз.).
- Кузьмин, С. Л. (2014а) «Контрреволюционный центр» в Монголии в 1930-х гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 4 (30). С. 5–13.
- Кузьмин, С. Л. (2014б) Пребывание Далай-ламы XIII в Монголии и планы провозглашения независимости // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. Т. 9. С. 33–39.
- Ленхобоева, Т. Р., Доржигушаева, О. В. (2024) Азиатская буддийская конференция за мир: история, деятельность, перспективы развития // Концепт: философия, религия, культура. № 8 (2). С. 69–82. DOI: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-2-30-69-82>
- Литвинова, Т. Н. (2017) Идея монгольской цивилизации как концепт многополюсного мироустройства // Полит. Политические исследования. № 5. С. 187–191. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.13>
- Никифоров, С. В. (2024) Перспективные направления развития российско-монгольских отношений с точки зрения цивилизационной политологии // Геоэкономика энергетики. Т. 27. № 3. С. 27–41. DOI: https://doi.org/10.48137/26870703_2024_27_3_27
- Родионов, В. А. (2017) Фактор Далай-ламы XIV в современных монголо-китайских отношениях // Власть. № 9. С. 153–157.
- Романова, И. В., Зимин, О. И., Жуков, А. В., Жукова, А. А. (2015) Религиозное мифотворчество в политической жизни современной Монголии // Вестник ЗабГУ. № 4 (119). С. 95–102.
- Сабиров, Р. Т. (2022) Между Дхарамсалой и золотой урной: монгольский буддизм в контексте религиозной политики КНР // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 40(2). С. 105–127.
- Цыбенков, Б. Д., Юй, Шан (2018) Буддизм и национализм во Внутренней Монголии в первой четверти XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. Т. 26. С. 109–118.
- Эрдынеева, Б. В., Васильева, С. В. (2017) Политические репрессии в отношении священнослужителей Чесанского дацана Хоринского аймака (1920–1930-е гг.) // Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. № 3. С. 68–71.

Billé, F. (2015) Sinophobia. Anxiety, violence, and the making of Mongolian identity, by Franck Billé: Honolulu, University of Hawai'i Press, 2015, 272 pp., \$80.00 (hardback), ISBN: 978-0-8248-3982-6, \$25.00 (paperback), ISBN: 978-0-8248-6774-4 // *Anthropology & Medicine*. № 25(3). P. 351–353. DOI: <https://doi.org/10.1080/13648470.2017.1381002>

Дата поступления: 04.10.2024 г.

Дата принятия: 29.10.2024 г.

REFERENCES

Averyanov, B.V. and Abaev, N. V. (2015) The principle of unity and integrity of the Tengrian-Buddhist civilization. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, pp. 5–15. (In Russ.)

Bazarov, V. B. (2017) The “third neighbor” of Mongolia in the East Asian space]. *Vlast*, no. 25(5), pp. 136–140. (In Russ.)

Badmatsyrenov, T. B. and Ayushieva, I. G. (2017) Buddhism and politics in Inner Asia: history and modernity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 421, pp. 75–79. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/421/11>

Batunaev, E. V. (2011) On the legal status of Mongolia within the Qing Empire. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 8, pp. 139–142. (In Russ.)

Zheleznyakov, A. S. and Chuluunbaatar, G. (2023) *Intercivilizational interaction between Russia and Mongolia in the Eurasian space*. Ulaanbaatar, Institute of Philosophy of the MPR. 328 p. (In Mong.)

Kuzmin, S. L. (2014a) The “counterrevolutionary center” in Mongolia in the 1930s. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 4(30), pp. 5–13. (In Russ.)

Kuzmin, S. L. (2014b) The stay of the 13th Dalai Lama in Mongolia and plans to proclaim independence. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, no. 9, pp. 33–39. (In Russ.)

Lenkhoboeva, T. R. and Dorzhigushaeva, O. V. (2024) Asian Buddhist Conference for Peace: history, activities, development prospects. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura*, no. 8(2), pp. 69–82. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-2-30-69-82>

Litvinova, T. N. (2017) The idea of Mongolian civilization as a concept of multipolar world order. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 187–191. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.13>

Nikiforov, S. V. (2024) Promising directions for the development of Russian-Mongolian relations from the perspective of civilization political science. *Geoekonomika energetiki*, no. 27(3), pp. 27–41. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.48137/26870703_2024_27_3_27

Rodionov, V. A. (2017) The factor of the 14th Dalai Lama in modern Mongol-Chinese relations. *Vlast*, no. 9, pp. 153–157. (In Russ.)

Romanova, I. V., Zimin, O. I., Zhukov, A. V. and Zhukova, A. A. (2015) Religious mythmaking in the political life of modern Mongolia. *Vestnik ZabGU*, no. 4(119), pp. 95–102. (In Russ.)

Sabirov, R. T. (2022) Between Dharamsala and the golden urn: Mongolian Buddhism in the context of religious policy of the PRC. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 40(2), pp. 105–127. (In Russ.)

Tsybenov, B. D. and Yuy, Shan (2018) Buddhism and nationalism in Inner Mongolia in the first quarter of the 20th century. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*, no. 26, pp. 109–118. (In Russ.)

Erdyneeva, B. V. and Vasilyeva, S. V. (2017) Political repressions against clergy of the Chesan Datsan of the Khori Aimak (1920–1930s). *Vestnik BGU. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrenney Azii*, no. 3, pp. 68–71. (In Russ.)

Billé, F. (2015) Sinophobia. Anxiety, violence, and the making of Mongolian identity, by Franck Billé: Honolulu, University of Hawai'i Press, 2015, 272 pp., \$80.00 (hardback), ISBN: 978-0-8248-3982-6, \$25.00 (paperback), ISBN: 978-0-8248-6774-4. *Anthropology & Medicine*, no. 25(3), pp. 351–353. DOI: <https://doi.org/10.1080/13648470.2017.1381002>

Submission date: 04.10.2024.

Acceptance date: 29.10.2024.